

УДК 81'37:154.194:177.3

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ МОДУС КОНЦЕПТА ЛОЖЬ

Морозова Е.И.

Постановка проблемы. Рефлексивное освоение понятия лжи началось еще во времена античности, но и сегодня приходится констатировать отсутствие его общепринятого определения. Причина такого положения заключается в том, что ложь представляет собой диффузную сущность [3, с.63], а само понятие является трудноопределимым, ускользающим (*slippery*) [6, с.42]. Классическое определение лжи Августином Блаженным – «когда человек имеет в сердце одно, а изрекает другое с намерением обмануть» – включает следующие признаки: (1) ложность лежащего в основе высказывания суждения; (2) знание говорящим действительного положения вещей; (3) намерение говорящего ввести слушающего в заблуждение. Очевидно, что первый признак характеризует содержание высказывания, а второй и третий – поведение говорящего субъекта. Акты такого рода, одновременно включенные и в контекст речи, и в контекст жизни, Н.Д. Арутюнова относит к речеповеденческим [1, с.588]. Совокупность определяющих речевых и поведенческих характеристик лжи представляет собой ее идеализированную когнитивную модель [8], концептуализацию типового опыта, который не включает все возможные реальные ситуации [7, с.28].

В реальной коммуникативной практике, однако, встречаются высказывания, которые не так просто квалифицировать однозначно. Это свидетельствует о том, что объяснительный потенциал логического понятия, представляющего класс как монотонное множество однородных сущностей, не является адекватным при обращении к такой ментальной сущности, как ложь. При ее рассмотрении необходимо учитывать внутреннюю организацию соответствующего класса согласно градациям качества его членов [6]. Представление о нормативных и экстремальных представителях класса дает прототипически организованная структура – концептуальная категория [8], ядром которой является близкая понятию, но не тождественная ему ментальная сущность – концепт. Последний представляет собой своего рода бытовое понятие [5, с.11], обладающее психической реальностью для членов социума независимо от наличия научного определения. При методологическом переходе на концептуальный уровень анализа понятие лжи ничего не утрачивает, но антропологизируется, обретая субъективные черты. Таким образом, при рассмотрении лжи когнитивный подход представляется более экспланаторно адекватным, чем формально-логический, поскольку ложь представляет собой антропоморфное образование, в котором ложность содержания высказывания преломляется через внутренний мир человека.

Как и любое мыслительное образование, концепт ЛОЖЬ представляет собой телеологическую сущность, предназначенную выполнять определенный круг задач. Это позволяет предположить наличие в его глобальной структуре неких операциональных подструктур, складывающихся как фиксация сознанием некоторых типичных моментов

применения концепта в мыслекоммуникативной деятельности человека. Вслед за М.В. Никитиным, мы называем эти структуры речемыслительными модусами концепта, разделяя их на три группы: систематизационные, аргументно-предикатные и экстенциональные [4, с.54-57]. В свою очередь, в каждой группе модусов выделяются подгруппы, соответствующие более специализированным функциям. Так, функция систематизации включает классификационный (логическое понятие), структурационный (прототипическая категория) и опознавательный (прототип) модусы. В основе выделения аргументного и предикатного модусов лежит различие функций, выполняемых концептом в суждениях. Модусы экстенсии предмета мысли – общего (класса) и единичного – очерчивают область и род приложимости концепта [4, с.54-57].

Задача, которая ставится в статье, заключается в выявлении особенностей выполнения концептом ЛОЖЬ своей опознавательной функции в непрототипических коммуникативных ситуациях, в частности, когда намеренно искаженная говорящим информация представлена пресуппозитивно. Исследователи, придерживающиеся узкой трактовки понятия лжи (см. обзор в: [2]), ограничивают его денотативную сферу ассертивами. По нашим данным, однако, намеренное искажение имплицитной информации также может квалифицироваться слушающим как ложь. Рассмотрим условия, при которых это происходит.

(1) *'Well, could we just sit down? There isn't a table yet, and my wife is rather tired. <...> The word 'wife' came out easily. (Murdoch: 271).* Из контекста известно, что спутница адресанта является его любовницей, а не женой. Информация об отношении участников этой коммуникативной ситуации, которая составляет семантическую пресуппозицию определенной дескрипции *my wife*, сознательно искажена адресантом с целью введения адресата в заблуждение. Прагматической пресуппозицией высказывания *My wife is rather tired* является то, что информация, содержащаяся в семантической пресуппозиции, является достоверной, то есть не должна вызывать у адресата сомнений: она представлена как данное. Таким образом, в данном случае налицо все три признака лжи, представляющие интенционал логического понятия. Однако маловероятно, чтобы адресат (официант), даже зная действительное положение вещей, охарактеризовал соответствующий речеповеденческий акт как ложь, поскольку данное положение вещей его, в сущности, не касается.

Это свидетельствует о том, что на обличение во лжи необходимо иметь право, которое субъект получает, например, в случае, когда затронуты его интересы: (2) *'He is telling me again that I have been Number One all the time. The Number One anarchist!' 'Why should that disturb you?' 'It's a lie.'* (Amler: 314). Информация, являющаяся семантической пресуппозицией определенной дескрипции *the Number One anarchist*, ложна. Она представляет угрозу "позитивному социальному лицу" адресата, поэтому последний, нарушая коммуникативные нормы, отвергает данную пресуппозицию, обличая человека, произнесшего высказывание, во лжи.

Как правило, наличие ложной прагматической пресуппозиции при отсутствии ложной семантической пресуппозиции как ложь не квалифицируется: (3) *'Where are the books?' 'Books, sir? The only book I know of – 'Your files, boy. Your figures. You alone kept the accounts, we heard.' 'Give me a week, Sir Makepeace, I'll account for every penny.'* (Le Carré: 38). Прагматической пресуппозицией вопроса в данном случае является то, что адресант не знает или не понимает, о каких книгах идет речь. В его искренность трудно

поверить, поскольку из контекста известно, что он выступает ответчиком по делу о мошенничестве, то есть сама ситуация снимает многозначность имени существительного *books*: очевидно, что речь идет о бухгалтерских книгах. Вопрос, содержащий ложную прагматическую пресуппозицию, квалифицируется как ПРИТВОРСТВО.

Однако в некоторых ситуациях активированным ложной прагматической пресуппозицией концептом является ЛОЖЬ: (4) *'What's wrong with going into a church?'* asked Daisy. *'You can't believe all that,' Kelly shouted in real distress.* <...> *'You're not religious anyway. You're a liar.'* (Fitzgerald: 95). Прагматической пресуппозицией вопроса является то, что адресант не понимает, что плохого в том, чтобы ходить в церковь. Однако адресат на основе своих знаний про адресанта делает вывод о его неискренности и обвиняет во лжи. Эмоциональное напряжение в данной ситуации является фактором, способствующим активации концепта ЛОЖЬ. Основанием оценки является поведенческая составляющая.

Ложная семантическая пресуппозиция может содержаться и в директиве: (5) *To get him (Muspole) on his own, Pym said "Come and see my Hornby" and at once Dorothy cried because by then there was no Hornby:* <...> *the Hornby had been one of the first things to go. But Mr. Muspole went with Pym anyway and Pym took him to the shed and gave him the key (Le Carré: 108).* В данном фрагменте семантической пресуппозицией определенной дескрипции *my Hornby* является то, что адресант является владельцем лошади, однако, как следует из последующего описания, ее забрали за долги. Содержащее ложную семантическую пресуппозицию высказывание в данном случае квалифицируется как ПРЕДЛОГ, который адресант использует для того, чтобы остаться наедине с адресатом.

Ложная пресуппозиция может сопутствовать ложной ассерции, делая высказывание семантически аномальным: (6) *'So where is it [the coach] now?'* Sir Makepeace continues. <...> *'They're painting it,' says Rick. (Le Carré: 38).* Семантической пресуппозицией высказывания является то, что автобус, купленный на церковные деньги, действительно существует (из широкого контекста известно, что адресант проиграл эти деньги на скачках). Высказывание, сообщающее о том, где он находится в данный момент, является семантически зависимым, представляя собой детализацию предложенной адресатом ранее модели вымышленного фрагмента реальности. Данное высказывание однозначно квалифицируется как ЛОЖЬ.

Для введения адресата в заблуждение адресант может использовать ложную семантическую пресуппозицию высказывания собеседника: (7) *'How are you, old son?'* he asks urgently. *'How was the train?'* [a] *'Fine,' says Pym who has hitchhiked owing to a temporary problem of liquidity. 'Did they give you a bit to eat then? What did they give you?'* [b] *'Just a sandwich and a glass of beer,' says Pym who has had to make do on a piece of a rocklike bread from Murgo's refectory (Le Carré: 150).* Семантическая пресуппозиция определенной дескрипции *the train* является ложной. Пропозиция <Pym arrived by train> пресуппонируется отцом на основе его знаний про обычное положение вещей (сын приезжает домой поездом). У сына, однако, не было денег на билет (положение вещей, отклоняющееся от нормы), но он не хочет, чтобы отец знал о его затруднениях, и поэтому принимает ложную пресуппозицию вопроса отца. Высказывание (а) является семантически аномальным, поскольку объектом выражаемой в нем оценки является не имевшее места в действительности положение дел. В (b) фальсифицированное

положение дел подвергается дальнейшей разработке посредством асерции. Случаев такого рода квалифицируются как ЛОЖЬ.

В заключение рассмотрим пример, иллюстрирующий возможность ‘сохранения лица’ адресата в случае, если фальсификация действительного положения вещей будет раскрыта: (8) *“I have a feeling they’re probably stronger than they taste, but if it knocks me on my can, I won’t play polo this afternoon. Aren’t you playing polo, Hubie?” “Are you playing polo?” “Christ, no, I was just kidding.”* (O’Hara:89). Пресуппозицией высказывания с условной клаузой является то, что после обеда адресат собирается играть в поло. Эта информация подается в качестве фоновой, но, несмотря на это, она привлекает внимание адресата, который задает уточняющий вопрос. То, что искажаемая информация находилась вне коммуникативного фокуса сообщения, дает говорящему возможность превратить сказанное в шутку.

Выводы. Таким образом, пресуппозитивное представление намеренно искажаемой информации является более тонкой манипулятивной стратегией, нежели прототипическая ложь, поскольку оставляет говорящему ‘пути для отступления’. Соответствующие высказывания не следует исключать из денотативной сферы концепта ЛОЖЬ, несмотря на то, что их квалификация может быть неоднозначной, зависящей от эмоциональной напряженности ситуации и серьезности последствий для адресата. Принципы квалификации таких высказываний как лжи или притворства – те же, что и для высказываний, содержащих квант искажаемой информации в асертивной части: ЛОЖЬ – искажение, касающееся внешней по отношению к говорящему предметной ситуации, а притворство – его внутреннего мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
2. Безуглая Л.Р., Бабич Е.Н. Ложь как разновидность речевого акта асертивного типа // Вісн. ХНУ. – 2003. – № 609. – С. 97-99.
3. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – С. 594-605.
4. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 53-64.
5. Сусов А.А., Сусов И.П. Размышления о концептах // Вісн. ХНУ. – 2006. – № 726. – С. 10-17.
6. Coleman L., Kay P. Prototype semantics: The English word ‘lie’ // Language. – 1981. – Vol. 57. № 1. – P. 26-44.
7. Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. – Cambridge: CUP, 2004. – 356 p.
8. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

Поступила в редакцию 09.08.2006 г.